

Немного о РАДОСТИ
Из истории персидского лексикона¹
Some notes on Joy. From the history of the Persian lexicon

Виноградова С. П., Битарти З. А.

Vinogradova S. P., Bitarty Z. A.

Эти заметки посвящены понятию *радость* на примере отдельных репрезентирующих его исконно иранских слов в современном персидском языке в сравнительно-историческом аспекте.

Ключевые слова: радость, счастье, персидский язык, древнеперсидский язык, история слов

These notes are devoted to the concept of joy and its representation with words of purely Iranian origin in the modern Persian as well as in its history.

Key words: joy, happiness, Persian, Old Persian language, the history of words

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-206-219

1. РАДОСТЬ как личное имя

Радость в силу самой ее природы обречена на концептуализацию в языковом сознании. Чтобы это замечание не оставалось общим местом, отсылаем к фундаментальному исследованию Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта № 20-512-07004 РФФИ «Древнеиранские тексты по аудиозаписям лекций В. И. Абаева. (Избранные тексты «Авесты» – 1982–1983 гг.; древнеперсидские монументальные надписи – 1983–1984 гг.). Анализ и комментарии». Рук. Виноградова С. П., Битарти З. А.

культуры» [2001]. Это (т. е. концептуализация) — исторический феномен. Он носит конкретный характер и имеет привязку к конкретным культурно-историческим условиям. *Радость* может обретать статус ключевого понятия не только в мировосприятии отдельного человека, но и быть декларируема как особая ценность в представлениях отдельных групп людей. Однако содержательное наполнение этого понятия также имеет всегда конкретно-исторический характер. Одним из отзвуков подобной концептуализации можно считать функционирование слов, репрезентирующих *радость* в качестве антропонимов. *Радость* в качестве антропонима, в составе простой, производной или составной структуры, представлена в целом ряде ономастиконов мира. Возникновению этих имен, как известно, способствуют «особые условия, мотивы и обстоятельства», как то «социальные условия, обычаи, влияния моды, религии и т. д.» [Подольская 1990: 37].

Так, считается, что женское имя Джой, или *Радость*, вошло в англоязычный ономастикон в среде пуритан в 17-м в. В дальнейшем оно стало очень популярным, наряду с другими женскими именами этого ряда, как-то Хоуп ‘надежда’, Фейт ‘вера’ и др. Джой, или *being joyful in the Lord, Радость во Господе*, — добродетель, объединяющая весь христианский мир, долг каждого христианина. Эта радость целиком принадлежит сфере духа и души и носит очень личностный характер. Кроме того, *joy*, принадлежа старофранцузскому пласту английской лексики, во многом сохраняет связи с кругом значений исходной старофранц. лексемы *joie*- ‘удовольствие, восторг, эротическое удовольствие, радость, блаженство’ (индоевр. **gāu*- ‘радоваться; бахвалиться’ [Рокорну 2007: 990]). Более ранняя история бытования этой лексемы дает нам другой пример концептуализации. *Joie* ‘радость’, наряду с Прекрасной дамой, возведенная в культ поэзией бретонских трубадуров, также способствовала расширению единого общеевропейского культурного поля положительных коннотаций у этого слова.

В персидском языке слово исконно иранского фонда *šādī*, репрезентирующее *радость*, весьма популярно в качестве мужского имени. Еще более популярно оно в ираноязычных областях Средней Азии. Расширение структуры этого заимствованного из персидского имени за счет таких полуформантов, как *-хон*, *-гул* и др. позволяет дифференцировать имена по полу/роду. Такое имя носит (увы, носил) ученик Джой Иосифовны Эдельман Шоди-хон Юсуфбеков. Подобная практика эмоционально окрашенных имен известна и тюркским народам региона (ср. напр., мужское имя *Дангамтар*, по-туркменски букв. ‘рассветает’ (сообщено Е. А. Поцелуевским). Традиция имянаречения на основании таких ярких и глубинных мотиваций уходит корнями в глубокую древность. Так, у В. И. Абаева имя Заратуштры, букв. ‘старо-верблюдный, (обладающий) старыми верблюдами’, и у И. М. Стеблин-Каменского другие имена-обереги у скотоводов Средней и Центральной Азии.

2. РАДОСТЬ, или ВЕСЕЛЬЕ

Содержательное наполнение понятия *радость* в языке всегда имеет конкретно-исторический характер. В персидском языке *šādī* — одно из исконно иранских слов для обозначения *радости* — морфологически производно от прилагательного *šād*. В двуязычных словарях оно толкуется как 1) веселье, радость; 2) свадьба [Миллер 1953: 303]. В толковых персидских словарях *šād* и его дериват *šādī* трактуются с помощью слов композитной структуры, входящих в семантическое поле *радость* и имеющих в качестве основного значимого компонента такие слова, как *хоš* ‘хороший, приятный, радостный, веселый’, *farah* ‘радость, веселье’, *bīyam* ‘беспечальный’. Так, самый ранний (сер. 17-го в.) из известных словарей [Borhaan-e ghaatee: 1222–1223] объясняет *šād* с помощью адъективированных композитов *хоš-vayt* букв. ‘хороший-время’, *хоš-hāl* ‘хороший-состояние’, *bā-farah* ‘с-радостью’, *bī-yam* ‘без-горе’.

Устойчивое расхожее выражение *šād bāš!* ‘радостный-будь’, использующееся как пожелание, приветствие, в том числе и военное, соответствующее нашему «здравия желаю!», пожалуй, более всего раскрывает содержание персидского понятия *радость*. Наиболее полно языковой материал представлен в онлайн-словаре персидского языка Али Акбара Деххода². Из общих наблюдений над словарным материалом можно сделать вывод, что исконно иранская лексема *šādī* в персидском языке служит для номинации *радости* как положительно окрашенного, сильного внутреннего переживания. *Радость* здесь имеет преимущественно душевно-телесную природу и сопряжена с внешними поведенческими проявлениями этого субъективного чувства, с желанием разделить его с другими. Отсюда и переосмысление *šādī* как «свадьба». Лексико-семантическое поле *радости* пересекается, накладывается в значительной мере на лексико-семантическое поле *веселья*. *Радость* как *веселье* в современном персидском характерна скорее для сферы душевной, чем телесной. Ср. совсем другие слова в персидском для передачи удовольствия как простого чувственного переживания (заимствованные из арабского *lazzat, hazz*), или удовлетворения, и т. п.

Лексико-семантическое поле *радости* в современном персидском языке, как правило, не пересекается с лексико-семантическим полем *счастья* (при том, что чувство радости является одним из компонентов этого субъективного состояния наибольшей внутренней удовлетворенности, правда необязательным, по утверждению психологов). В функционировании исконно иранских лексем при обозначении спектра этих тесно связанных понятий, радости и счастья, наблюдаются свои предпочтения, и даже строгие закономерности. Так, собственно *счастье* и только счастье в современном персидском коррелирует с составной структурой лексемы. Подобно русскому слову *счастье*, совр. перс. ‘счастье’ (*xoš+baxt+i*,

² URL:<https://icps.ut.ac.ir/fa/dictionary>

букв. ‘хороший+участь+деривационный суфф.’, *nik+baxt+i* ‘добрый+участь+деривационный суфф.’) включает в себя более одного компонента и тоже означает букв. ‘хорошая часть, доля’. Таким образом, в этом можно видеть непосредственную связь *счастья* с *доброй участью*, с *доброй судьбой* в наивной картине мира, как она воплотилась в языке современных персов и других народов сопредельного исторического культурно-языкового ареала. Эти представления о счастье могут быть связаны с фаталистическим мироощущением и одновременно с надеждами на то, что судьбу можно задобрить, заговорить.

3. РАДОСТЬ или СЧАСТЬЕ

Такие базовые понятия в психологии человека, как *радость* и *счастье*, по данным исконно иранского фонда лексики в современном персидском языке выражены лексемами разной структуры: простая морфемная структура у ‘радости’ (*šād-ī*) и составная морфемная структура у ‘счастья’ (*xoš+baxt+i* или *nik+baxt+i*). Как можно предположить, эти две морфологически различные структуры принадлежат разным хронологическим уровням, где первичной структурой является структура *šād-ī* (‘радость’), вторичной — структура типа *xoš+baxt+i* или *nik+baxt+i* ‘счастье’. Следующее предположение не формального, а содержательного плана. Так, можно полагать, что в некий период в истории персидского языка *радость* и *счастье* в представлениях древнего человека существовали нераздельно, в синкретическом виде; и столь существенные с точки зрения психологов различия между этими понятиями были еще не отрефлексированы и оставались эксплицитно невыраженными в языке.

Об этом же говорит и сравнительно-исторический материал иранских языков. Такое нерасчлененное понятие *радость-счастье* представлено в истории иранских языков в «Этимологическом словаре иранских языков» Веры Сергеевны Расторгуевой и Джой Иосифовны Эдельман [2003,

2: 268–273]. Это реконструированный праиранский корень *čī(i)ā- с широким кругом толкований, суммирующих данные древних и живых иранских языков: ‘радоваться, быть счастливым, богатым, довольным; быть/становиться спокойным’ (примеры чему широко представлены в вымерших языках так называемого среднеиранского периода, включая среднеперсидский). Для его исходного индоевропейского корня восстанавливается значение ‘приятно, покойно отдыхать’, продолженное в латинских (‘отдыхать-тихий-покой’), церковнославянских (‘почивать-покой-успокаиваться’) рефлексах (и ср. тохарское В этого же корня — ‘reich, богатый’) [2003, 2: 268–273]. В исторической перспективе рефлексы праиранского корня в живых языках, судя по материалам словаря, представлены неравномерно. Содержательно же наблюдается специализация его рефлексов по языкам с сужением значения. Напр., в шугнано-рушанской группе продолжено значение ‘развлекаться (и развлекать); утешаться (и утешать)’; перс. заимствования в курдском и др. сев-западноиранск. языках несут значения ‘радость; празднество; пир; веселье’ и т. п. Наиболее широко представлены рефлексы разной структуры и значений в осетинском: ‘покой, отдых; радость’ и т. п. [2003, 2: 268–273]. Таким образом, в живых иранских языках рефлексы рассматриваемого корня демонстрируют сужение исходной семантики. Они утратили способность репрезентировать понятие *счастье*.

4. РАДОСТЬ-СЧАСТЬЕ

В предыстории персидского языка в текстах на древнеперсидском языке, предшественнике (через этап среднеперсидского) персидского, засвидетельствованы два производных искомого корня, контекстуальные значения которых соответствуют реконструированным в Словаре [Расторгуева, Эдельман 2003]. Перс. *šād* и *šādī*, соответствующие праформам *čīāta- (лексикализованное причастие) с реконструированным

значением ‘богатый, счастливый, довольный, спокойный; веселый’ и **šjāiti-* (существительное), ‘счастье, мир, спокойствие’, имеют соответствия в древнеперсидском.

Древнеперсидский материал приводится по книге Р. Г. Кента. Его источник — нерукописные письменные памятники, надписи на каменных сооружениях, поверхностях скал, архитектурных объектах, изделиях из камня эпохи Ахеменидов (552–330 до н. э.), от основателя империи Кира II Великого до ее падения под натиском греко-македонских войск Александра Македонского.

В текстах эпиграфических памятников на древнеперсидском языке насчитывается 22 случая употребления производных рассматриваемого древнеиран. корня. Все они встречены в наскальных надписях Дария I, Ксеркса I и Артаксерксов I, II и III.

В них он представлен двумя именными дериватами.

1) Это прилагательное *šiyāta-* ‘peaceful, happy (on earth)’, т. е. ‘мирный, спокойный, счастливый (на земле)’; по структуре это пассивное причастие прош. времени (на *-ta*). (К нему Кент приводит соответствия: авест. Гат *šyāta-* и позднеавест. *šāta-* ‘joyous’, ‘радостный’; лат. *quiētus* ‘quiet’, ‘спокойный, тихий’.)

2) Это существительное жен. р. *šiyāti-* ‘welfare, peace (on earth), happiness (also after death)’, ‘благоденствие, благосостояние, мир (на земле), счастье (также после смерти)’. Позднеавест. соответствие *šāti-* ‘joy’, для которого дается значение ‘радость’. По источникам на древнегреческом языке известно имя персидской царевны Парисатида, или Парисатис, одной из жен Александра Македонского. Образовано по модели типа бахуврихи: **paru-šyātiš*. Переводится как ‘много-радостная’ или ‘многосчастливая’ (?) [Kent 1953: 210–211].

Анализ словоупотреблений показывает, что перевод абстрактных имен в составе текста на мертвом языке носит (ис)толковательный характер, зависит от контекста и, шире, учитывает также определенный «литературный» канон,

сложившийся, как известно, для данного жанра в эпиграфике древних цивилизаций на территории Передней Азии и северо-восточной Африки.

В ахеменидских текстах можно выделить два типа контекстов с использованием этих двух лексем, *šiyāta-* (в форме именит п. ед. ч. муж. р.) и *šiyāti-* (в форме именит. или винит. п. жен. р.). В одном типе контекстов:

1) *Šiyātiš* — это творение бога, оно также конкретно, как и небо, земля, человек. У Дария I *šiyātim* (акк.) — это то, что, наряду с «небом, землей и человеком», создано «для человека» (ед. ч. род. п.) «богом великим Аурамаздой» (DNa 1–4). Таких однотипных фраз много. Это вводная фраза, стандартная, клише для целого ряда надписей Дария I, Ксеркса I и Артаксерксов I, II и III (20 раз на 60 с чем-то надписей).

2) Вместе с тем, это состояние *šiyātiš* имеет конкретный характер (его субъект — *kāra* ‘народ-войско’, нерасчленимое понятие, народ=ополчение. Правда, при таком толковании женщины оказываются «за бортом»?); имеет конкретную временную протяженность (*duvaištam* ‘долго’), может быть ‘ненарушенной’, *a-xšatā*, (а, следовательно, ее можно и нарушить, повредить). Оно зависит от защищенности народа (со стороны земного царя). «Если народ-войско Парса будет защищен» и «долго *šiyātiš* нарушена», — тогда «Аура снизойдет на этот (царский) дом» (DPe 22–24). Эта надпись в Персеполе представляет собой перечисление, от имени Дария Великого, тех стран, которыми он «завладел — вместе с Парсой (творит. социативности), — которые меня боялись, мне дань приносили: Сузы, Мидия, Вавилон, Аравия, Ассирия, Мудрайа-Египет, Армения, Каппадокия, Сарды, ионийцы материковые и приморские; Сагартия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Бактрия, Согдиана, Хорезм, Саттагидия, Арахосия, Синд, Гандара, Скифы, Мака». Таким образом, *šiyātiš* в этом тексте есть результат совместных усилий царя и бога.

Интерпретация понятия *šiyātiš* в перечисленных пассажах как англ. ‘welfare, peace (on earth), happiness (also after death)’,

русск. 'благоденствие, благосостояние, мир (на земле), счастье (также после смерти)' [Kent 1953: 210–211] и их переводные эквиваленты у других исследователей может быть поддержана сопоставлением с другими текстами эпиграфических памятников предшествующих эпох очерченного региона. Именно на территории стран, ставших теперь сатрапиями державы Ахеменидов, в текстах политического, декларативного характера эпохи процветания от имени их правителей и можно найти параллели для подобного типа выражений, которые могли послужить типовыми образцами для более поздних надписей ахеменидских царей. Так, например, всем известны Законы Хаммурапи (1792–1750 до н. э.). Их преамбула заканчивается следующим пассажем: «Когда Мардук направил меня, чтобы справедливо руководить людьми и дать стране *счастье*, тогда я вложил в уста страны *истину* и *справедливость* и улучшил положение людей. Отныне...». За этим следует текст самих законов (не убий, не укради и т. п., всего общим числом 282 статьи) [ХИДВ 1997: 128]. Еще пример — Египет, Среднее царство, предположительно периода Сенусерта I (1956–1911/1910 до н. э.). Из так наз. «Поучений царя Аменемхата»: «Поучение его величества царя Верхнего и Нижнего Египта... во сне сыну своему...: “Явись как бог! Внимай словам моим, и будет благополучно царствование твое над сей землей... и приумножишь *счастье* земли”» [ХИДВ 1997: 29]. *Счастье, благо, истина/правда, справедливость*, «людям *благоденствие* навеки» [ХИДВ 1997: 152], эти абстрактные понятия, формирующие общее ценностное поле региона, кочуют из текста в текст в эту эпоху формирования идеалов, занявшую несколько тысячелетий. (Очень популярное в этом ряду декларируемых добродетелей — равенство «имущих» и «неимущих», поддержка «бедных» и «малых» [ХИДВ 1997: 30], «чтобы сильный не притеснял слабого» [Там же: 152].)

Во втором типе древнеперсидских контекстов *šiyātīš* — это уже индивидуализированное «счастье»; субъектом этого состояния является конкретный человек; и для наступления

этого состояния от каждого отдельного человека требуются встречные усилия с его стороны, а именно приверженность Богу Великому Аурамазде. Для «счастья» в таких контекстах используются и другие переводные эквиваленты, например «блаженство» (В. И. Абаев), связанное коннотациями с областью индивидуальных состояний (в отличие от просто ‘happiness’ у Кента). Уже в последнем столбце Бехистунской надписи (считаемся более поздним относительно первых четырех и не снабженном ни эламским, ни аккадским переводом), где излагаются, от первого лица, свершения царя в его третий год правления, когда был разгромлен восставший Элам, Дарий I подчеркивает, что «Те эламиты были неверные и не чтили Аурамазду. Я (же) чтит Аурамазду. По воле Аурамазды я поступил с ними, как хотел». Дважды в этом столбце повторяется пассаж: «Говорит Дарий-царь: “Кто Аурамазду будет почитать, пока способный будет (т. е. в силах будет), (тому) и живому и мертвому — *šiyātiš* (‘счастье, блаженство, радость’)»» (DB V 20, 36; здесь и далее, при отсутствии ссылок, приводится авторский перевод). Именно соположение *šiyātiš* «и при жизни и по смерти», приравнивание этого состояния в двух совершенно различных пространственно-временных пределах и дает основание более расширенному пониманию содержания такого понятия, т. е. *šiyātiš*, как ‘счастье’, ‘блаженство’, ‘blessedness’ и вплоть до ‘радости’. Этой своей декларацией Дарий, можно сказать, апеллирует к фактору «внутреннего локуса контроля», переводя внимание с внешних факторов поведения на внутренние. Примеров подобного внимания к внутренней духовной, или душевной, жизни индивида в других текстах из «Хрестоматии по истории Древнего Востока» (региона Переднего Востока и Северной Африки) нами не встречено.

Оба типа контекстов — как фраза, провозглашающая *šiyātiš* творением, наряду с землей и небом, бога великого Аурамазды (XPh 3), так и фраза, ставящая *šiyātiš* в зависимость от соблюдения законов, «которые Аурамазда

установил», и от «почитания Аурамазды по Арте и с барсманом», т. е. ритуально закрепленным образом (XPh 41, 47, 50, 53, 55), — представлены в надписи царя Ксеркса I Ахеменида (486–65 до н. э.) в Персеполе (XPh). В этой знаменитой Антидэвовской надписи сына Дария I впервые и единожды — среди всех дошедших до нас древнеперсидских текстов — появляется важнейший религиозный зороастрийский термин *artāvan-* букв. ‘причастный Арте’ (часто переводится как ‘праведный’, ‘righteous, blessed’). И. М. Стеблин-Каменский, сделавший переводы значительной части зороастрийского писания «Авеста», дает такое определение для Арты (авест. *aša-*, древнеиндийское *ṛta-* – «истина, правда, справедливость – принцип, правящий миром («миропорядок»)» [2009: 175], «основное понятие зороастризма, противопоставляющееся во всех явлениях понятию Друг», т. е. Лжи, «и правящее всем миром» [1993: 201]. Это значимый контекст в свете все еще длящихся споров о том, исповедовали ли Ахемениды зороастризм или же были приверженцами культа Ахурамазды как «величайшего из богов» (в триаде Ахурамазда, Митра, Анахита). Для нас здесь значение приобретает тот факт, что выражение, бытовавшее, со всей очевидностью, в речи как клише, в том числе и в пожеланиях («тому и живущему и умершему — счастье» DB V 20, 36), распалось на две части, в которых (эмоциональное?) состояние умершего имеет уже иную природу, чем живущего. Так, у Ксеркса, призывавшего не просто поклоняться/почитать Ахурамазде, но почитать его с Артой и с барсманом, состояние такого почитателя Ахурамазды характеризуется как «причастное Арте» и противопоставляется состоянию «счастья» у этого почитателя Ахурамазды в его земном бытии. Таким образом, пожелание тому, кто поклоняется Ахурамазде по Арте и с барсманом, звучит в устах Ксеркса приблизительно так: «Да будет тот счастлив (*šiyāta*) при жизни и причастен Арте (*artāvā*) по смерти». (Вспомним современную здравицу *šād bāš!* которой, как оказывается, более полутора тысяч лет.)

Итак, столь широкая представленность лексем *šiyāta-* и *šiyāti-* в исторических текстах подобного плана (22 случая на 60 с чем-то надписей) может свидетельствовать как об определенной концептуализации понятия, репрезентированного данными словами, так и о значительном объеме понятия, включавшего в себя человеческое благополучие во всех его составляющих, и в радости, и в счастье. Такой вывод, как представляется, может быть поддержан и контекстами употребления рефлексов рассматриваемого древнеиранского корня из текстов на другом древнеиранском языке, авестийском (Гаты и Младшая Авеста), но это уже выходит за рамки истории собственно персидской лексики.

Литература

- Аргайл М. *Психология счастья*. Москва, 1990.
- Восканян Г. А. *Русско-персидский словарь*. Москва, 1986.
- Миллер Б. В. *Персидско-русский словарь*. Москва, 1953.
- Подольская Н. В. Антропонимика // *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2. Москва, 2003.
- Стеблин-Каменский И. М. *Авеста: Избранные гимны. Из Видевдата*. Москва, 1993.
- Стеблин-Каменский И. М. *Гаты Заратуштры*. Санкт-Петербург, 2009.
- Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. Москва, 2001, 419.
- ХИДВ — *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Москва, 1997.
- Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
- Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian // CORPUS FONTIUM MANICHAeorum*. V III P. 1. London, 2005.

Kent R. G. *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon*. 2nd rev. ed., New Haven, 1953.

Pokorny J. *Proto-Indo-European Etymological Dictionary*. A Revised Edition of Julius Pokorny's *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm>

Borhaan-e ghaatee (букв. решающий аргумент, псевдоним Мохаммада Хосейна бен Халаф Табризи, составителя толкового словаря персидского языка в 1062 г. хиджры, и название этого словаря, под ред. Мохаммада Мо'ина в Тегеране), jeld-e 3. Tehran, 1342. (На перс. яз).

'Omid, Hasan. *Farhang-e Omid* (Толковый словарь персидских и арабских слов в составе персидского языка), jeld-e 2. Tehrān, 1384. (На перс. яз).

References

Argail M. *Psikhologiya schast'ya*. Moskva, 1990. (In Russ.)

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Borhaan-e ghaatee (lit. Decisive Argument, pseudonym of Mohammad Hossein bin Khalaf Tabrizi, compiler of the Persian dictionary in 1062 AH, and the title of this dictionary, edited by Mohammad Mo'in in Tehran), jeld-e 3. Tehran, 1342. (На перс. яз).

Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaeae Middle Persian and Parthian//CORPUS FONTIUM MANICHAEORUM*. V III P. 1. London, 2005.

Kent R. G. *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon*. 2nd rev. ed., New Haven, 1953.

KhIDV — *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka*. Moskva, 1997. (In Russ.)

Miller B. V. *Persidsko-russkii slovar'*. Moskva, 1953. (In Russ.)

'Omid, Hasan. *Farhang-e Omid* (Dictionary of Persian and Arabic words in the Persian language), jeld-e 2. Tehrān, 1384. (На перс. яз).

Podol'skaya N. V. Antroponimika // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moskva, 1990. (In Russ.)

Pokorny J. *Proto-Indo-European Etymological Dictionary*. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm>

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. T. 2. Moskva, 2003. (In Russ.)

Steblin-Kamenskii I. M. *Avesta: Izbrannye gimny. Iz Videvdata*. Moskva, 1993. (In Russ.)

Steblin-Kamenskii I. M. *Gaty Zaratushtry*. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. Moskva, 2001, 419. (In Russ.)

Voskanyan G. A. *Russko-persidskii slovar'*. Moskva, 1986. (In Russ.)

Виноградова Софья Петровна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Vinogradova Sophia Petrovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
sophiapv@yahoo.com

Битарти Зоя Александровна
Юго-Осетинский НИИ им. З. Н. Ванеева
Цхинвал, Республика Южная Осетия
Bitarty Zoya Alexandrovna
Vaneev Z.N. South Ossetian Research Institute
Tskhinval, Republic of South Ossetia